

Ю. С. Худяков^{1,2}, О. А. Митько¹
А. Ю. Борисенко¹, Ю. В. Тетерин¹

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: khudjakov@mail.ru

КЛАД ЖЕЛЕЗНОГО ОРУЖИЯ ХУННСКОГО ВРЕМЕНИ НА МОГИЛЬНИКЕ БАЙ-ДАГ-1 (В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭЭРБЕК В ТЫВЕ) *

Исследуется клад железных предметов вооружения в виде двух топоров и кинжалов, обнаруженный в насыпи кургана № 1 могильника Бай-Даг-1 в Тыве. В результате анализа этих предметов сделан вывод о начале формирования традиции совершения подобных подношений у древнего населения Саяно-Алтая.

Ключевые слова: Тыва, Минусинская котловина, хуннское время, оружие, топоры, кинжалы.

В процессе раскопок кургана № 1 в составе могильника Бай-Даг-1, исследованного в ходе работ Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в 2011 г. в полосе планируемого строительства железной дороги Курагино – Кызыл, был обнаружен клад хорошо сохранившихся предметов железного оружия, изучение которого представляет значительный интерес для характеристики вооружения населения Саяно-Алтая в хунно-сяньбийскую эпоху. Это первая подобная находка на территории Тывы, и, на наш взгляд, оперативный ввод в научный оборот полученных в ходе раскопок новых материалов может послужить дополнительным импульсом для изучения военного дела народов Сибири и Центральной Азии. Анализ состава клада в контексте особенностей его устройства и расположения на погребальном комплексе позволяет рассмотреть не только чисто оружейно-технические аспекты, но и выйти на вопросы, связанные с менталитетом военно-дружинной субкультуры и

своеобразия воинских культов в данный исторический период.

Раскопанный курган № 1 находился в составе могильника, расположенного на склоне возвышенности на правом берегу р. Ээрбек, в 1,5 км к югу от плотины и водохранилища на этой реке, к югу от горы Бай-Даг, в Кызылском кожууне (районе) Республики Тыва. Памятник был обнаружен Тувинской экспедицией ИИМК РАН под руководством В. А. Семенова в 2009 г. и получил название Бай-Даг I [Семенов, 2009. С. 53–54]. В связи с наличием в Тыве археологических объектов под таким названием, нами используется обозначение Бай-Даг-1.

В полевом сезоне 2011 г. в составе этого памятника было раскопано 7 курганов, в большей части которых насчитывало от одного до пяти взрослых и детских захоронений [Худяков, 2012. С. 20–35]. Судя по особенностям погребальной обрядности и облику сопроводительного инвентаря определено, что этот могильник оставлен носи-

* Работа выполнена по проекту IX.81.2.1 «Западная Сибирь и сопредельные территории в древности и Средневековье» и в рамках тематического плана НИР Минобрнауки (проект 1. 31.11).

телями алды-бельской культуры раннего скифского времени [Грач, 1980. С. 24–26]. В насыпях двух курганов спустя некоторое время после того, как он перестал функционировать в качестве кладбища, были совершены впускные захоронения. Одно из таких погребений, совершенное в центре насыпи кургана № 4, судя по характеру заупокойного обряда и находке лепного керамического горшка, должно относиться к кокельской культуре хунно-сяньбийского времени [Савинов, 1984. С. 23]. Кроме погребений, в насыпи кургана № 1 обнаружен клад железных предметов, явно к скифскому времени отношения не имеющих.

Курган № 1, расположенный в составе цепочки курганов могильника, представлял собой пологую, округлую, слабо поросшую травой насыпь из песчаниковых плит диаметром 14 м (рис. 1). В процессе зачистки насыпи было выяснено, что она окаймлена крепидой из горизонтально сложенных плит и пристроена с южной и юго-восточной части к коренному выходу. Насыпь представляла собой платформу с плоской поверхностью, высотой 0,5 м. С северо-западной стороны насыпи находился ряд из девяти невысоких, вертикально установленных каменных плиток. Под насыпью не было мо-

гильной ямы. В центре кургана на поверхности коренного выхода обнаружены берцовые, кости рук, обломок тазовой кости и нижней челюсти взрослого человека. Ориентация погребенного не ясна. Вероятно, кости были погребены после разложения мягких тканей тела. Погребение было совершено до сооружения насыпи [Худяков, 2012. С. 22–23].

Определение хронологии и культурной принадлежности данного кургана представляет определенные трудности, поскольку по конструктивным особенностям надмогильного сооружения, обряду захоронения и отсутствию сопроводительного инвентаря в погребении курган № 1 заметно отличается от других объектов в составе могильника Бай-Даг-1. К числу отличительных конструктивных особенностей данного кургана можно отнести и ряд вертикально установленных каменных плиток с северо-западной стороны насыпи. Однако вхождение насыпи этого кургана в состав цепочки курганных насыпей алды-бельской культуры дает основания для отнесения его к этому же культурному образованию.

В северо-западной части насыпи на глубине 0,15 м от поверхности, среди камней было обнаружено компактно уложенное

Рис. 1 (фото). Курган № 1 могильника Бай-Даг-1

Рис. 2 (фото). Оружейный клад

скопление железных предметов, включавшее два топора и два кинжала [Худяков и др., 2011. С. 489]. Кинжалы были положены один на другой, совсем рядом, вплотную к ним помещены топоры (рис. 2). На поверхности какого-либо углубления или пе-

рекрытия из камней над этим скоплением железных вещей не прослеживалось.

Находку двух боевых топоров и двух кинжалов можно оценить в качестве набора оружия, рассчитанного на использование двумя воинами. Все предметы, обнаруженные в составе этого клада, относятся к оружию ближнего и рукопашного боя. Очевидно, для своего времени, с точки зрения функциональных боевых качеств и существовавших тактических схем, они представляли оптимальный вариант воинского боевого набора и в силу этого широко тиражировались, о чем свидетельствует ряд близких аналогий в древностях Среднего Енисея и на соседних территориях.

Оба топора аналогичны по форме. Они проушные, с низким обухом и овальным проухом, длинным узким клином с прямым лезвием. Длина каждого топора с проухом – 20 см, ширина клина – 5 см (рис. 3).

Один из кинжалов имеет остроугольное острие, двулезвийный, линзовидный в сечении, прямой клинок, цельнокованный с уплощенной рукоятью. Кинжал снабжен напускным перекрестьем с выступающими концами. Рукоять оканчивается округлым дисковидным навершием. Навершие и рукоять окаймлены железным ободом. Длина клинка – 17,5, ширина – 2,5, длина рукояти – 10 см (рис. 4). Второй кинжал черешковый, без рукояти. У него остроугольное ост-

Рис. 3 (фото). Железный топор

рие, двулезвийный, уплощенно-ромбический в сечении, прямой клинок с уплощенным черешком с отверстиями для крепления обкладки отсутствующей рукояти. Длина клинка – 17,5, ширина – 3, длина черена – 11 см (рис. 5).

В литературе можно встретить мнение, что проушные топоры относятся к орудиям труда и являются инструментами плотника и столяра [Кызласов, 1969. С. 104]. Однако уже приходилось отмечать, что, не отрицая в принципе возможности их хозяйственного использования, узколезвийная форма служит свидетельством их преимущественно боевого назначения [Худяков, 1980. С. 63]. Боевые топоры были вспомогательным оружием ближнего боя и могли применяться как легковооруженными воинами, так и защищенными панцирной броней. Наиболее эффективно их применяли во время затяжного кавалерийского боя. Необходимо подчеркнуть, что вес топоров значительный – составляет 896,3 и 991,3 г. Судя по размерам проушков, они насаживались на толстую и длинную рукоять, что являлось дополнительным фактором, усиливающим коэффициент их полезного действия. Установлено, что при равной величине замаха ударная мощь узколезвийного боевого топора превышает ударную мощь рубящего клинка меча или палаша и его применение воином, обладающим правильно поставленным ударом, могло играть определяющую роль в бою с любым противником, включая защищенного тяжелым панцирным доспехом [Соловьев, 1985].

Таким образом, все предметы, обнаруженные в составе этого клада, относятся к оружию ближнего боя. находку двух боевых топоров и двух кинжалов можно оценить в качестве набора оружия, рассчитанного на использование двумя воинами.

Подобные проушные топоры ранее были обнаружены в составе Аскыровского и Потрошиловского кладов и найдены в процессе раскопок в одном из помещений Ташебинского дворца в Минусинской котловине [Вадецкая, 1999. Рис. 38; Кызласов, 2001. Рис. 14, 4, 15, 1–6, 17, 1–3]. Набор предметов в каждом из этих памятников существенно различается. В составе Аскыровского клада, помимо 11 подобных проушных топоров различной сохранности, были также найдены: железный кинжал с двулезвийным клинком и коротким черешком; рукоять

Рис. 4 (фото). Железный кинжал с перекрестьем и навершием

кинжала с округлым навершием, окаймленным железным ободом, очень похожая на кинжал из бай-дагского клада; железные тесла, удила и различные бронзовые вещи [Кызласов, 2001. Рис. 15, 1–12, 16, 1–11]. В состав Потрошиловского клада, помимо трех топоров, четырех наконечников копий, входили тесла, секирка и другие железные

Рис. 5 (фото). Железный черешковый кинжал

предметы [Кызласов, 2001. Рис. 17, 4, 19, 20]. В Ташебинском дворце, в разных помещениях, помимо проушного топора, найдены железный молот, а также пешня и обломки наконечника копья [Там же. Рис. 13, 1, 2, 14, 1].

Наибольший интерес для сравнений с нашими находками представляют кинжалы, происходящие из памятников тесинского времени в Минусинской котловине.

Точные аналогии с кинжалом с округлым навершием и кантом можно привести из захоронения в кургане Новые Мочаги, где было обнаружено два подобных кинжала. В типологическом и хронологическом от-

ношении они рассматриваются в одном ряду с кинжалами, имеющими кольцевидные навершия [Кузьмин, 2011. Рис. 43, табл. 53]. По мнению Н. Ю. Кузьмина, тесинские склепы, в которых они обнаружены, относятся ко II этапу развития культуры, датируемому с середины I в. до н. э. до середины II в. н. э. [Там же. С. 218, 220].

В фондах Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова хранится кинжал из числа случайных находок в Минусинской котловине, имеющий прямой обоюдоострый клинок, округлое навершие и кант по краям рукояти; общая длина этого оружия – 27,5 см [Мартин, 2004. Табл. 26, 10], что позволяет считать его практически аналогичным кинжалу из бай-даговского клада. За пределами Среднего Енисея известны два подобных кинжала. Первый был обнаружен на территории Кузнецкой котловины – поднят на берегу р. Петрик местным жителем [Ширин, 1993. Рис. 1]. Второй кинжал входил в состав погребального инвентаря погребения 7 кургана № 6 могильника Быстровка-2, расположенного в Искитимском р-не Новосибирской обл. По совокупности данных, включая и радиоуглеродные датировки, курган № 6 относится к последней трети I тыс. до н. э. [Бородовский, 2004. С. 99. Рис. 3, 5].

Типологически близкие ко второму из найденных нами кинжалов предметы оружия также найдены в тесинских памятниках Минусинской котловины – в том же Аскыровском кладе и в могильнике Оглахты V [Кызласов, 1992. Рис. 21; Пшеницына, 1999. С. 231. Табл. 94, 2]. Тувинский экземпляр отличается от минусинских большими размерами и более удлиненными пропорциями.

Похожий кинжал из числа случайных находок выставлен в экспозиции музея «Кузнецкая крепость» г. Новокузнецка (подиум 6, № 1, без инвентарного номера). Он имеет узкое ромбовидное в сечении лезвие и прямой черен. Общая длина составляет 23 см, длина лезвия 17,5 см. Датируется кинжал III–V вв. н. э.

Судя по имеющимся аналогиям, предметы из клада на могильнике Бай-Даг-1 должны относиться к хунно-сяньбийскому времени. В пользу этой датировки свидетельствует находка аналогичного проушного топора в Ташебинском дворце, сооружение которого по особенностям начертания китайских

иероглифов на концевых дисках черепицы точно датируется началом I в. н. э. – временем правления в Китае узурпатора Ван Мана [Вайнштейн, Крюков, 1976. С. 146]. В составе вещей, обнаруженных в Аскыровском кладе, имеется бронзовая ложечковидная застежка, характерная для хуннской культуры [Кызласов, 2001. Рис. 16, 11]. Предложение Э. Б. Вадецкой датировать этот клад Средневековьем не получило развернутого обоснования [1999. С. 72].

Наличие близких по форме проушных топоров, черешкового кинжала и рукояти кинжала с округлым навершием может свидетельствовать о принадлежности оружейных кладов из Минусинской котловины и могильника Бай-Даг-1 в Тыве к одной культурной традиции, которая не ограничена долиной Среднего, а включает и Верхний Енисей.

Начало бытования комплекса вооружения с такими предметами совпадает с последним веком существования культуры северных хуннов. В окончательном виде он продолжал бытовать позднее, возможно, всю первую половину I тыс. н. э. Реконструируя структуру военной организации кокзельских племен, один из авторов данной статьи пришел к выводу, что их ядро, своего рода военную элиту, составляли «палашеносцы» – как правило, хорошо вооруженные и экипированные воины [Худяков, 1986. С. 86]. При этом большая часть предметов вооружения, найденных в погребениях курганов могильника Кокэль, представляет собой лишь их деревянные модели. Они были обнаружены в курганах КЭ-7(могилы II и IV), КЭ-8 (могила XIX), КЭ-32 (могила Б) и ряде других [Вайнштейн, Дьяконова, 1966. Табл. XI, 5, 7, 13]. Однако деревянные модели не являются моделями кинжалов и палашей «в чистом виде», они передают оружие, вложенное в ножны, что практически не оставляет ни малейших шансов для выделения типобразующих признаков реально существовавшего оружия.

Исследователи высказывали разные мнения о назначении подобных скоплений металлических предметов, в составе которых представлены железные предметы вооружения. Обычно такие находки оцениваются в качестве кладов, которые прятали в укромных местах с целью их возможного использования в качестве металлического лома для переплавки или переработки.

В отношении железных предметов Л. Р. Кызласов предложил считать такие находки, наряду с кладами бронзовых изделий, жертвоприношениями изделий «кузнецов-колдунов» [Кызласов, 2001. С. 48, 51]. Сама традиция совершения таких обрядов, по его мнению, связана с появлением в Южной Сибири саков – пришельцев из Средней Азии, и восходит к митраизму [Там же. С. 45].

По нашему мнению, если судить по обнаруженным в Тыве и Минусинской котловине находкам оружейных кладов, традиция совершения подобных обрядовых жертвоприношений железных предметов оружия ближнего и рукопашного боя в Саяно-Алтае может быть отнесена к хунно-сяньбийскому времени. Хотя в самой хуннской культуре подобных памятников не выявлено, распространение такой традиции может быть объяснено продвижением военно-дружинной субкультуры Хуннской державы. В составе ее войск воевали и несли службу представители многих центральноазиатских кочевых племен, благодаря чему в Южной Сибири получили распространение не известные ранее воинские культы, приобретавшие некоторые наднациональные черты.

В последующие периоды традиция совершения «оружейных кладов» получила развитие в культурах некоторых угорских и тюркских народов Северной и Центральной Азии. Так, на территории Западной Сибири в Средние века имело место совершение обрядов с использованием оружия в честь Мир-Сусне-Хума [Плотников, 1987. С. 130–132]. Тогда же в Южной Сибири бытовала традиция совершения оружейных кладов, составленных из предметов защитного вооружения [Горелик, 1983. С. 251].

Находка «оружейного клада» хунно-сяньбийского времени в насыпи кургана скифского времени на памятнике Бай-Даг-1, представляющая собой первый случай обнаружения такого комплекса на территории Тывы, вероятно, является одним из наиболее ранних примеров бытования подобного воинского культа.

Список литературы

Бородовский А. П. Хронологические парадоксы вещевого комплекса Быстровского некрополя эпохи раннего железа // Евразия:

культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 2004. Вып. 3: Парадоксы археологии. С. 99–101.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.

Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тысячелетия до н. э. – первых веков нашей эры // ТТКАЭЭ. Л.: Наука, 1966. Т. 2. С. 185–291.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. «Дворец Ли Лина», или конец одной легенды // СЭ. 1976. № 3. С. 137–149.

Горелик М. В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 244–269.

Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 255 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: тесинская культура. СПб.: Изд-во «Айсинг», 2011. 456 с.

Кызласов Л. Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во КрасГУ, 1992. 224 с.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969. 213 с.

Кызласов Л. Р. Гуннский дворец на Енисее: проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит., 2001. 176 с.

Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.

Плотников Ю. А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 120–135.

Пиеницына М. Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в гунно-сарматское время. Серия археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 224–235.

Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 175 с.

Семенов В. А. Отчет об археологических разведках в зоне строительства ж/д линии Кызыл – Курагино на территории Республики Тыва в 2009 г. // Архив ИИМК РАН. КП 6768.

Соловьев А. И. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 147–154.

Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.

Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. 269 с.

Худяков Ю. С. Отчет о полевых исследованиях Первого Южно-Сибирского отряда Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в зоне проектируемого строительства железной дороги Курагино – Кызыл на территории Республики Тыва в полевом сезоне 2011 года. Новосибирск, 2012. 239 с.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Митко О. А., Борисенко А. Ю., Тетерин Ю. В. Начало работ Саянской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в полосе строительства железной дороги Курагино – Кызыл // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. С. 487–490.

Ширин Ю. В. Археологические памятники города Новокузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. Вып. 1. С. 10–45.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2012

Yu. S. Khudyakov, O. A. Mitko, A. Yu. Borisenko, Yu. V. Teterin

**IRON WEAPONS HUNNISH TIME BURIAL AT BAY-DAG-1
IN THE VALLEY OF THE RIVER EERBEK IN TYVA**

In this paper we study a treasure of iron armaments in two axes and daggers found in the burial mound burial number 1 Bay-Dag-1 in Tyva. The analysis of these subjects concluded that the early formation of the tradition of making such offerings from the ancient population of the Sayan-Altai.

Keywords: Tyva, Minusinsk Basin, Hun time, treasures, weapons, axes, daggers.